

Э.А. ОРЛОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

***Аннотация:** В статье обосновывается целесообразность использования антропологических исходных допущений при изучении научного познания. С этих позиций оказывается возможным проследить микро-динамику существования научной познавательной парадигмы от ее «нормального» состояния к деконструкции.*

***Abstract:** The article substantiates the validity of anthropological assumptions in the study of scientific cognition. From this perspective, it is possible to trace the micro-dynamics of scientific cognitive paradigm from its “normal” state to deconstruction.*

***Ключевые слова:** антропологические допущения, динамика состояний научного познания, знание, познавательная парадигма, познание.*

***Keywords:** anthropological assumptions, dynamics of scientific cognition, knowledge, cognitive paradigm, cognition.*

Конец 1960-х гг. был ознаменован выходом на передний план идей, которые прежде находились на периферии философского и научного мейнстрима. В частности, начала подвергаться сомнению идеология сциентизма, в рамках которой науке приписывался приоритет перед всеми иными типами представлений о реальности. Позже такая критическая позиция стала едва ли не ведущей в рамках постмодернистской философии, и ее сторонники предпринимали попытки убедить окружающих в том, что с точки зрения обоснованности, надежности и достоверности научное знание мало чем отличается от религиозного откровения, магических практик, мифологических построений и даже суждений здравого смысла. В то же время сами авторы таких книг и статей аргументировали свои утверждения, обращаясь к логике рассуждений, принятых в философии начиная с Античности, и обосновывая их показательными примерами, полностью соответствующими научным требованиям. Итак, критика научного знания, как, например, у П. Фейерабенда, осуществлялась полностью в русле методов, соответствующих позиции классического рационализма. Именно поэтому она казалась столь убедительной.

По мере распространения идеологии постмодерна в области науки, особенно в ее прикладной модальности, все более очевидным становилось еще одно эпистемологическое расхождение. Правомерность любых нововведений – от предметов быта до политических решений – оправдывалась ссылками на науку как на область ко-

нечных значений. Между тем расхождение между, казалось бы, научно обоснованными предложениями, прогнозами, диагнозами и реальными событиями становилось все заметнее. Такое положение дел стало характерным не только в широком социальном, но и в самом внутринаучном контексте. Здесь расхождения между существующими теориями и фактами, с одной стороны, и методами — с другой, до сих пор составляют серьезный источник познавательных проблем.

Можно сказать, что сегодня наука как область специализированного знания характеризуется состоянием неопределенности в отношении его истоков, границ, критериев достоверности и практической применимости. В этой ситуации все более актуальным становится обращение к антропологическим основаниям научного познания как формы социокультурной практики. В центре внимания оказываются такие ключевые темы, как причины порождения знания вообще и научного в особенности; факторы, обуславливающие его воспроизведение, несмотря на критику его несовершенства; границы не только практической, но и упорядочивающей, объясняющей, прогностической его применимости по отношению к реальным событиям и явлениям.

Если занять антропологическую позицию, то можно попытаться рассмотреть научное познание с точки зрения его адаптационных функций, то есть как ответ на проблемы, возникающие как в отношениях людей с окружением, так и внутри самой науки. В этом случае можно будет определить, кому какого рода знание нужно, при каких условиях его формы меняются и в каком направлении, каковы последствия таких изменений для исходных оснований научного познания. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья. При изложении темы автор исходит из ряда ограничений, определяющих ее трактовку и структуру изложения:

- речь идет о науке в ее институциональной форме;
- научное познание и его движение представлено с идеально-типической позиции;
- основное внимание уделяется процессам, происходящим в рамках самой науки, и не анализируются ее связи с широким социокультурным контекстом;
- философия рассматривается как источник базовых допущений и предельных обобщений, определяющих формы и содержание научного познания.

Статья носит исключительно постановочный и дискуссионный характер. О некоторых предпосылках анализа социально-научных оснований социальной антропологии автору уже приходилось писать [7]. Теперь же предстоит обосновать антропологические основания научного познания.

Общепринятая трактовка понятий научное «познание» и «знание»

Когда в рамках философии и науки говорят о познании, то обычно имеется в виду совокупность способов и процедур рационального освоения реальности. В этом процессе люди увеличивают меру контроля над своими отношениями с окружением или подтверждают, что ее наличная величина вполне удовлетворительна для поддержания существующих мировоззренческих принципов. Результатом познавательной активности считаются знания. Они определяются как проверенные опытом представления людей о мире, выраженные в форме понятий и зафиксированные в образах и знаках естественных и искусственных языков.

Категория «знание» все еще продолжает быть предметом дискуссий философов и ученых. Тем не менее для целей данной работы важно отметить следующие его значения:

- особая единица, характеризующая рациональные отношения человека к действительности, непосредственно или опосредованно связанная с практическим опытом;
- умения, навыки, которые базируются на способности человека рефлексивно осваивать способы деятельности, осуществления собственных замыслов;

- любая информация, значимая для сохранения контроля людей над окружением.

Согласно большинству определений, для того чтобы представление считалось знанием, оно должно удовлетворять трем критериям:

- быть подтверждаемым опытом или другим знанием;

- быть истинным. В данном случае имеются в виду представления познающего о реальности, как она предположительно существует сама по себе, как бы вне и независимо от его сознания. В целом, истина есть универсальная абстрактная категория, означающая качество знания или самую познannую действительность;

- заслуживающим доверия. Поскольку знание представляет собой организованную совокупность информации, которая обусловлена контекстом, его достоверность проверяется коллективным опытом.

Знание помогает людям формулировать проблемы и задачи, возникающие в их отношениях с окружением, и рационально организовывать свою активность в ходе их решения. Обыденное знание приобретаетс я как плод рефлексии в процессе непосредственных переживаний, впечатлений, наблюдений, практических действий. Оно используется человеком в качестве основы ориентации и предвидения в окружающем мире, механизма контроля над повседневным поведением, ресурса для решения жизненных проблем. Однако из-за ограниченности обыденного опыта и размытости означающих его лексических единиц такое знание чаще всего синкретично и противоречиво. Тем не менее именно оно было и остается средой порождения научного знания, которое характеризуется логической обоснованностью, доказательностью, воспроизводимостью результатов, проверяемостью, стремлением к точному определению используемой терминологии.

Основные различия между этими культурными формами можно свести к следующим:

- для науки характерен особый способ остранения реальности, предполагающий генерализацию опыта в контексте определенных связей людей с окружением и в этих пределах предсказание событий с высокой степенью достоверности. Тогда как обыденное знание приобретаетс я при полной погруженности людей в контекст повседневности и по своей природе является партикуляристским;

- в силу генерализованного характера научное знание репрезентируется в особых кодах и терминологических языках;

- в отличие от обыденных форм рефлексии в научном познании используются специально разработанные методы и инструментарий исследования;

- для научного познания характерна планомерность, системность, логическая организованность, проверка результатов исследования на обоснованность, надежность и достоверность;

- наука и обыденное познание различаются в определении и способах обоснования истинности суждений.

- обыденные знания, как правило, сводятся к констатации фактов, и их объяснение носит контингентный характер, то есть они интерпретируются применительно к конкретной ситуации. Научные знания позволяют объяснять и предсказывать

совокупности фактов в целых классах ситуаций с помощью рационально обоснованной теории, в системе характерных для нее универсальных понятий и категорий.

Итак, при сравнении научного и обыденного познания обнаруживаются определенные сходства и различия. Сходства обусловлены тем, что обе культурные формы отвечают человеческой необходимости упорядочить связи с окружением, уменьшить степень неопределенности в отношениях с ним, превратить какие-то его части в освоенную и подконтрольную – на символическом уровне – жизненную среду. Различия носят как количественный, так и качественный характер. В количественном отношении научное знание позволяет контролировать более обширные зоны окружения, чем обыденное. С качественной точки зрения научному знанию присущи конвенционально узаконенные четкая понятийная система, логическая обоснованность, доказательность, воспроизводимость результатов. Обыденные же представления базируются на смешении ограниченного личного опыта и веры и выражаются в многозначных речевых клише.

Сходства и различия обнаруживаются также и в отношении смысла обыденных и научных высказываний, то есть их связи с более широким контекстом реальности. Сходство заключается в том, что в обоих случаях их появление оправдывается тем, что определяется их место в качестве составляющей некоторой культурной целостности. Но дальше начинаются различия. Смысл обыденных высказываний определяется размытым, подвижным, многозначным контекстом ситуаций межличностных взаимодействий и коммуникаций. Отношение «часть-целое» в научном дискурсе делает высказывание необходимым в качестве подтверждения или опровержения положения той теории, в терминах которой оно выражено.

Наконец, еще одна важная область сходств и различий между научным и обыденным знанием связана с пониманием соответствующих высказываний. Сходство заключается в том, что в обоих случаях речь идет об их адекватной интерпретации применительно к определенным ситуациям. Понимание в русле обыденного познания складывается из подражания действиям других, считывании экстралингвистических знаков (мимика, жесты, проксемика), эмпатии. Рациональное объяснение причины и точного значения высказывания здесь не являются обязательными. В науке понимание трактуется принципиально отличным от этого образом. Оно рассматривается как один из процессов, связанных с рациональным сопоставлением исходных посылок и выводов. Когда речь идет о незнакомых фактах, событиях и т.д., приходится решать определенную задачу, и их понимание происходит в процессе и становится результатом комбинаторики и логических построений. Оно обеспечивает установление связей между новыми характеристиками объекта познания и уже известными, формирование их операционального значения и определение их места и функций в структуре научного рассуждения. Такая возможность связана с тем, что обращение к уже известным сведениям совершается без предварительных конструкций, поскольку работает механизм понимания-вспоминания.

Из этих общепринятых представлений можно вывести, по меньшей мере, три основные трактовки научного познания:

- как «отражения реальности», то есть описания и объяснения того, что происходит вне участия человека, или «открытие объективных законов» («объективизм»);
- как формирования представлений человека о мире, обусловленного только его избирательностью в восприятии окружения («субъективизм»);

– как продукта интеракции между человеком и окружением, то есть человек в меру своих ограниченных возможностей устанавливает и поддерживает определенные отношения с окружением, которые могут либо благоприятствовать обеим сторонам, либо разрушать одну из них или обе.

Дальнейшие рассуждения строятся исходя из третьей из представленных выше позиций. Соответственно необходимым становится выделение исходных антропологических оснований, характеризующих связи человека с окружением и релевантные выделению научного познания как предмета исследования.

Исходные антропологические допущения трактовки научного познания

Рассмотрение научного познания/знания с антропологических позиций предполагает обоснование его значимости при построении, поддержании приемлемых для людей связей с окружением и изменении их при утрате контроля над жизненной средой.

Следует начать с общеизвестного допущения о социальной природе человека, которое обычно провозглашается, но затем не используется и замещается индивидуалистической позицией. В данном случае следует подчеркнуть неустранимо вынужденное сосуществование людей и невозможность полной индивидуализации. Соответственно с точки зрения выживания людям приходится коллективно отвечать адаптационным императивам, поскольку, чтобы предпринять какие-то целесообразные действия, нужно как минимум научиться этому у других.

Неопровержимое положение о видовом единстве людей имеет следствием общие для них императивы в построении отношений с окружением. Ответы на них структурно универсальны – люди могут действовать только в пределах врожденных свойств, – но содержание реакций зависит от конкретных условий социального взаимодействия и коммуникации. Вариации связей людей с окружением обусловлены свойственными всему живому ориентациями как на поддержании устойчивых связей с окружением, так и на изменчивость. Следствием этого можно считать способность преодолевать и создавать состояние неопределенности в отношениях с окружением.

Социальная природа человека и необходимость совместно отвечать на адаптационные императивы предполагает наличие разделяемого опыта. Этому соответствует свойство порождать символы как заместители реальных объектов, действий, отношений и оперировать ими в целях экономии жизненной энергии как дефицитного ресурса, расходуемого на реальную активность.

Таким образом, обосновывается наличие специфичной для человека как вида социокультурной реальности: люди выстраивают относительно устойчивые функционально значимые взаимоотношения и подконтрольную им подвижную культурную среду, дублируя их на символическом уровне.

Эти исходные допущения позволяют вывести ряд следствий, существенных для обоснования адаптационной значимости познания:

– Преодоление неопределенности порождает поиск устойчивых характеристик в отношениях с окружением, которые должны отвечать следующим требованиям: быть интересубъективными, гарантированно повторяющимися (в сходных условиях приводить к сходным результатам), репрезентированными в разделяемых символах.

– Преодоление стресса монотонии, вызываемого длительным повторением одних и тех же ситуаций взаимодействия и коммуникации, проявляется как деконст-

рукция рутинных условий и форм активности и поиск новых поворотов в отношениях с окружением, приемлемых хотя бы для определенной группы людей.

– Результаты обеих ориентаций, реализующихся на вещественном и социальном уровнях, оформляются в символических артефактах.

Эти исходные допущения можно считать необходимыми и достаточными, чтобы рассматривать познание вообще и научное познание как его составляющую с точки зрения рациональных ответов на адаптационные императивы. При этом принимается во внимание сосуществование ориентаций людей как на устойчивость, так и на изменчивость в отношениях с окружением, а также интересубъективные их результаты, выраженные в символической форме.

Необходимость определяется тем, что этот набор допущений свидетельствует об адаптационной значимости интересубъективного достоверного опыта регулирования отношений людей с окружением. О достаточности можно говорить потому, что он охватывает основные характеристики научного знания как адаптационно целесообразного: интересубъективность, социальную приемлемость, ориентированность на поддержание устойчивости и изменчивость.

Наука как область социокультурного пространства

Понятие социокультурного кода. Наука как специализированная область социокультурного пространства может быть представлена в качестве особого способа остраивания реальности и соответствующих видов активности. Ее внутреннее строение в данном случае определяется особенностями преобразования многообразного и изменчивого опыта отношений людей с окружением в рационально организованные социально значимые порядки. Последние репрезентируются в языке понятий, категорий и терминов, позволяющих описывать, объяснять и прогнозировать существенные аспекты этих отношений, а также на символическом уровне моделировать их. Такой вид деятельности, ее результаты, способы их организации можно представить как определенный социокультурный код, трансформирующий многообразный разнокачественный и неотрефлексированный человеческий опыт в генерализованное обоснованное знание. В данном случае его можно определить следующими основными компонентами:

– *функциональная доминанта*, ответ на определенный адаптационный императив;

– *входы* – вид неопределенности в отношениях людей с окружением, которую необходимо преодолеть или создать;

– *выходы*, представляющие собой специфичные для кода артефакты и порядки, поддерживающие контроль людей над их жизненной средой;

– *программы трансформаций* неопределенности в упорядоченность, определяющие ориентацию на соответствующие функциональной доминанте связи с окружением;

– *логика таких трансформаций* – способы деятельности, способствующие преобразованию входов в выходы в соответствии с характерными для кода программами.

Организация сообщества людей, специально обученных и занимающихся такого рода деятельностью в рамках системы общественного разделения труда, ее способы и результаты в совокупности рассматриваются здесь как определенная область институционального социокультурного пространства.

Научное познание занимает особое место в пространстве социально значимого опыта. В отличие от других типов рациональности оно в наибольшей степени характеризуется интересубъективностью, достоверностью (благодаря процедурам верификации/фальсификации) и возможностью результативного вмешательства человека в установившиеся связи с окружением. Этот тип познания рождается из практического опыта. Работа с разного рода материалами убеждает людей в том, что они одинаково реагируют на сходные воздействия, воспроизведение которых приводит к тождественным результатам. Передвижение по разным территориям приводит к тому, что выделяются устойчивые пути, отмеченные распознавательными признаками, и фиксируются с помощью изображений. Вообще на обыденном уровне в своих отношениях с окружением люди подмечают и осваивают их устойчивые характеристики, которые выражают, дублируют в символической форме. Это делает их транслируемыми в вербальном и письменном виде, а не только на уровне практических действий. Такого рода познание основано на базовой способности человека соотносить и связывать в единую систему цели, средства и результаты действий и взаимодействий, придавать этой системе символическое выражение, делая ее интересубъективно значимой.

Функциональной доминантой научной составляющей социокультурного пространства можно считать выделение устойчивых и повторяющихся связей человека с окружением; отделение их от изменчивых событий; различение в этих отношениях элементов, поддающихся и не поддающихся целенаправленному изменению и контролю. Но не только это. В рамках науки осуществляется объяснение причин такой устойчивости и изменчивости, внутренней и внешней форм изучаемых явлений, а также экспликация процедур их установления. Все это позволяет переводить научное знание в технологии, в системы взаимодействий с окружением, позволяющие при одинаковых условиях получать сходные нужные людям результаты. Таким образом, в научном социокультурном пространстве концентрируется рациональное, обоснованное, достоверное, надежное знание людей об окружении и самих себе. Это знание интересубъективно, может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных процессах. Следует подчеркнуть, что научный тип рациональности не является единственным в осмыслении людьми своих связей с окружением. Можно говорить о рациональности мифологических, идеологических, религиозных, фантастических построений. Причем эти построения занимают в человеческих отношениях значительно большее место, чем научные. Люди руководствуются ими в обыденной жизни, а нередко и в профессиональной деятельности значительно чаще, чем научными. Объем достоверного, эмпирически проверяемого интересубъективного знания в культуре ограничен в сравнении с множеством фрагментов субъективного опыта и представлений, принимаемых на веру. Однако сила этого типа познания определяется его действенностью, переводимостью в технологии, позволяющие людям целенаправленно менять элементы своего окружения.

При обсуждении науки как одной из составляющих социокультурного, в частности, познавательного пространства целесообразно провести различие между научным и гуманитарным видами познания. Это имеет смысл, поскольку в российской культуре принято словосочетание «гуманитарные науки», неадекватным образом объединяющие совершенно различные познавательные модели. Гуманитарное знание не имеет отрефлексированных оснований; используемые в этой области по-

нятия многозначны по содержанию, границы их применимости не определяются; утверждения экспериментально не проверяются, но обычно иллюстрируются отдельными примерами; рассуждения носят характер интерпретации событий и явлений без обоснования ее необходимости и значимости. В науке исходные основания построения суждений выявлены; категории и понятия операционализированы, переведены на язык наблюдения и измерения; здесь используется экспериментальная логика, обеспечивающая высокую степень достоверности и объяснение причин и форм в пределах изучаемой совокупности связей человека с окружением.

Когда речь идет о трансформации человеческого опыта, осуществляемой в пределах этой области, в качестве «входов» можно рассматривать неорганизованные фрагменты непосредственного опыта отношений с окружением, представления, принятые на веру, фантазии, идеологемы, мифологемы и пр. Всеми этими элементами познавательной активности люди обычно пользуются нерелексивно, не задумываясь о мере их достоверности, и с низкой степенью эффективности, если речь идет о необходимости целенаправленных изменений окружения или собственного поведения. Преодолению именно такой неопределенности соответствует научный тип познания.

На «выходе» он обеспечивает репрезентацию закономерностей, устойчивых и повторяющихся характеристик в области связей человека с окружением. Но это лишь первая ступень научного познания. Его основной целью принято считать построение объяснительных теорий, связывающих закономерности, установленные в определенной предметной области, в единую систему, позволяющую объяснить, почему выделенная для изучения часть этой области обладает определенными характеристиками; и в каких пределах человек может эффективно взаимодействовать с ними. Теории как модели разного рода систем связей человека с окружением позволяют воспроизводить эти целостности в рациональных интерсубъективных формах и на их основе строить доступные для освоения и многократного использования организованные схемы последовательных действий, приводящих к желаемым практическим результатам, то есть технологии.

Программы трансформации обыденных представлений в научные знания принято разделять по следующим основным измерениям. Во-первых, по характеру обусловленности, направленности результатов можно выделить фундаментальные и прикладные типы исследований. Фундаментальные исследования обуславливаются внутренними проблемами, возникающими в самой научной сфере. Это могут быть расхождения между существующими теориями и новыми фактами, необъяснимыми в их рамках, либо между теориями и методами их проверки или опровержения. Такие исследования ориентированы на получение нового знания об отношениях людей с окружением. Прикладные разработки побуждаются какими-либо практическими необходимостями, стремлением сконструировать определенные искусственные приспособления, облегчающие, упорядочивающие или повышающие эффективность связей человека с окружением. В их рамках фундаментальное научное знание используется для решения практических проблем и задач.

Во-вторых, можно выделить различные формы получаемого знания. Фундаментальные теории устанавливают закономерности предметной области, изучаемой в пределах определенной научной программы, направленной на решение крупномасштабной познавательной проблемы. Они предназначены для объяснения широкого

круга явлений и событий, реализующихся в этой области, рассматриваемой с определенной точки зрения. Их можно назвать общими, субстанциональными, поскольку в их рамках фиксируются устойчивые характеристики и связи, поддерживающие целостность изучаемого, а также динамические процессы, свойственные ему, но не нарушающие его целостность. Формы представленности такого знания могут быть различными. Систематическое описание представляет изучаемую область через обособленное выделение ее составных частей с указанием на их внутреннее соотношение. Классификации строятся для упорядочения этих составляющих по общему основанию. Объяснения позволяют выделить причины, обуславливающие порождение и динамику изучаемых явлений, факторы и механизмы поддержания или изменения рассматриваемой целостности.

Теории промежуточного (среднего) уровня представляют собой обобщение эмпирически установленных закономерностей, относящихся к какому-либо отдельному классу явлений, выделенных из крупномасштабной познавательной области, определяемой общими теориями. Если основания последних составляют философские допущения и закономерности, установленные в смежных областях науки, то для теорий среднего уровня основания черпаются из их выводов и утверждений. Эмпирические обобщения можно рассматривать как переходное звено от фундаментального знания к его прикладному использованию. Прикладные разработки ориентированы на решение конкретных практических проблем и задач. Их суть состоит в том, чтобы в пределах выделенных закономерностей, в концептуальном пространстве, форма которого задана устойчивыми и повторяющимися характеристиками предметной области или одной из ее компонент, найти возможности для целенаправленных изменений или организации элементов, поддающихся воздействию, для получения желаемых практических результатов.

Следует подчеркнуть, что названные формы представленности научного знания, хотя и обладают относительной самостоятельностью и выполняют важные функции в упорядоченности связей человека с окружением, могут также рассматриваться как звенья одной познавательной цепи. Так, систематическое описание — это первое ее звено, позволяющее выделить изучаемую предметную область по отношению к другим и идентифицировать ее самотождественность. Классификация составляет второе звено, связанное с установлением качественной определенности и внутренней упорядоченности этой области. Объяснение как третье звено познания позволяет установить причинную или функциональную обусловленность ее устойчивости и внутренней динамики. Важно также отметить, что прикладные разработки невозможно осуществлять без опоры на фундаментальное научное знание. Именно понимание устойчивых характеристик или свойств предметной области позволяет увидеть возможности и пределы целенаправленных изменений ее элементов.

К программам трансформаций следует отнести и классификацию наук. По характеру изучаемых предметных областей: естественные, социальные, технические науки и гуманитарную область познания. Класс естественных наук составляют те, в рамках которых изучаются природные закономерности, которые можно выделить как независимые от человеческой активности. Разумеется, само научное познание есть форма человеческой деятельности и потому всегда связано с определенной позицией исследователя по отношению к природному окружению. Она предопределяет выделение и отбор единиц анализа и наблюдения, а также связей между ними;

того, что считать значимым, а чем можно пренебречь. Но все же в этом случае допущение независимости таких явлений от человека можно считать вполне приемлемым. И этим определяется логика построения естественнонаучного знания.

Другой класс наук составляют социальные. В их пределах изучаются события и явления, относящиеся к совместному существованию людей. Предметная область здесь является полностью производной от человеческой активности. Люди формируют свои отношения, создают искусственную жизненную среду; их взаимодействия обуславливают как устойчивость, так и изменчивость социокультурного окружения. Если в естествознании исследователь занимает в основном позицию наблюдателя, то в социальных науках он вынужденно оказывается участником-наблюдателем, поскольку изучает реальность, порождаемую и поддерживаемую такими же людьми, как он сам. Соответственно логика социально-научного познания обуславливается этим фактом.

Следующий класс наук – технические. В этом случае речь идет о создании артефактов, расширяющих круг возможностей человека практическим, физическим образом контролировать и менять свое природное и искусственное окружение. Основные акценты здесь помещаются на свойствах материалов и возможностях преобразования их в такие инструменты, механизмы, инженерные конструкции, которые усиливают воздействия человека на окружение и расширяют их круг. Именно это обуславливает логику познания в области технических наук.

Наконец, следует упомянуть гуманитарный тип познания. Как уже отмечалось ранее, его можно рассматривать как пограничный по отношению к научному. Обычно он относится к тем областям связей человека с окружением, которые либо находятся в первоначальной стадии формирования (освоение чего-то принципиально нового), либо утрачивают социальную значимость, либо непознаваемы научным путем. В отношении таких областей научная рациональность бессильна, поскольку для их идентификации и упорядочения еще или уже не существует собственных категорий. Вот почему в гуманитарном познании так широко используются метафоры, аналогии, перенесения и иные виды тропов. Теоретическим пределом представленности его результатов может стать систематическое описание. Следует подчеркнуть, что этот тип познания столь же значим для организации связей людей с окружением, как и другие. Он помогает им снять неопределенность, которая здесь периодически возникает из-за динамической природы человека, общества и культуры. Такого рода функциональное назначение определяет специфичную логику гуманитарного познания.

Логика трансформации обыденных представлений в научное знание относится к способу его получения и обычно называется методологией. Прежде всего в этом случае следует отметить направленность познавательных процедур. Индуктивный метод предполагает движение от непосредственного опыта, прямых наблюдений к эмпирическим обобщениям, а от них к генерализациям более высокого порядка. Дедукция означает выведение частных положений из более общих, априорно заданных. В реальных исследованиях ни один из методов не встречается в чистом виде. Индуктивные построения базируются на некоторых исходных допущениях теоретического порядка, которые определяют направленность научного поиска, хотя нередко остаются неотрефлексированными. Высказывания дедуктивного порядка всегда явно или неявно содержат ссылки на эмпирический опыт, либо лежащий в осно-

ве исходных теоретических положений, либо привлекаемый в качестве показательного примера.

При рассмотрении способов получения научного знания особое место отводится экспериментальной логике. Она определяет построение исследования любого типа: фундаментального и прикладного, теоретического и эмпирического, естественнонаучного, социально-научного и технического. Суть ее заключается в следующем. В процессе исследования сравниваются два однородных объекта, представляющих научный интерес. Один из них – экспериментальный – подвергается целенаправленному воздействию (независимая переменная) на определенные его составляющие (зависимая переменная) с целью получения желаемого или предполагаемого состояния объекта или его характеристик. Другой, называемый контрольным, остается предоставленным самому себе. Их сравнение по определенным, заранее заданным параметрам позволяет сделать вывод о характере и величине искусственно вызываемых изменений экспериментального объекта. Иными словами, речь идет о выявлении возможностей целенаправленного контролируемого воздействия на определенные элементы окружения и пределов его осуществимости.

Научный поиск предполагает обязательное построение его программы, которая содержит ряд стандартных процедур. Формулировка проблемы предполагает выявление определенного, значимого с социальной или внутринаучной точки зрения расхождения в рассматриваемой познавательной области, которое представляется необъяснимым с позиции общепринятых теоретических положений. Гипотеза намечает предположительное решение, которое позволит интерпретировать это расхождение как нормальное или преодолеть его. Выбор цели исследования означает выделение его направленности, которая позволит подтвердить или опровергнуть гипотезу. Задачи отмечают последовательность стадий в движении к реализации цели. Все это определяется в контексте конкретной предметной области, где обнаруживается расхождение (проблема), и применительно к такому объекту, в рамках которого проблема проявляется с максимальной очевидностью. Построение программы исследования предполагает также выбор методов, позволяющих проверить гипотезу и соответствующих изучаемой предметной области.

Представленные программы и логика трансформаций непосредственного опыта отношений человека с окружением задают качественную предопределенность получаемого знания. Его обоснованность связана с опорой на уже имеющиеся теории. Надежность подтверждается воспроизводимостью программы и результатов исследования в сходных условиях различными учеными. Достоверность определяется возможностью эмпирической или теоретической проверки программных утверждений. Но эти критерии налагают достаточно строгие ограничения на качество знания, которое считается научным, только если соответствует всем требованиям. Следует еще раз подчеркнуть, что ни познание вообще, ни даже рациональный его тип не сводимы только к науке. Каждый иной тип познания выполняет свои функции в организации связей человека с окружением.

Такое строение социокультурного пространства науки предопределяет направленность, способы, результаты научного познания и критерии их оценки. Однако это отнюдь не означает, что все профессионалы в этой области при любых ее состояниях делают одно и то же. Как в свое время показал Т. Кун, смена познавательных парадигм обуславливает изменение направления, методов, способов организации

познавательной активности, представлений о рациональности. Далее речь пойдет о том, что происходит в рамках социокультурного пространства науки в зависимости от движения познания от уже известного к непознанному и соответствующих модификаций познавательной парадигмы.

Антропологическая трактовка модальностей научного познания

Научное познание представляет собой важную форму связей человека с окружением на вещественном, социальном, символическом уровнях. Речь идет, прежде всего, о преодолении неопределенности, возникающей здесь из-за изменчивости внешних обстоятельств существования любой социальной системы, в том числе вызванной совместной активностью самих людей, из-за накопления неосвоенных артефактов, из-за несоответствия ранее сложившихся социокультурных паттернов изменившимся жизненным условиям. Как уже было сказано, в этой области социокультурного пространства продуцируются знания об устойчивых характеристиках отношений с окружением, о закономерной изменчивости в их пределах и практики (технологии) поддержания или изменения подконтрольной людям жизненной среды. В каждый временной период соответствующие возможности в этой области ограничены пределами сложившейся парадигмы (эпистемы) научного познания, задающей круг разрешимых задач, методов их решения, критерии достоверности знания, способов перевода их в конструктивные модели адаптации в новых условиях и технологии их реализации. В то же время, согласно Т. Куну, наука характеризуется как нормальным, так и революционным состояниями. Иными словами, познавательная парадигма внутренне изменчива.

Последовательность ее динамики можно проследить, если обратиться к антропологически универсальным способностям людей справляться с ситуациями неопределенности, которые неизбежно возникают в этой области как из-за изменчивости внешних обстоятельств, так и из-за последствий внутринаучной активности. Гипотетически выделяются и схематически представляются следующие типы отношений людей с окружением, определяющие направленность и результаты их активности (см. прим. 1):

– *Адаптированность* – совместная активность в рамках освоенной и подконтрольной людям жизненной среды, где правила и нормы совместного существования используются как канон. Такая ситуация характеризуется социально приемлемой степенью определенности в отношениях с окружением.

– *«Игра»* – варьирование действий с имеющимися артефактами в соответствии с культурно заданными правилами. По сравнению с нормативно определенным поведением в этих рамках присутствует некоторая степень неопределенности, снимаемая степенью мастерства игроков и мерой вероятности выигрыша. При этом акторы не выходят за пределы социально установленных норм.

– *«Эксперимент»* – «испытание на прочность» границ возможности воздействовать на жизненную среду и контролировать ее изменения. Попытки выйти за нормативные пределы порождает некоторую степень неопределенности в отношениях с окружением. Однако ее представляется возможным взять под контроль без разрушения нормативной системы. Положения последней начинают интерпретироваться применительно к ситуациям «экспериментирования». Соответственно, с одной стороны, они удерживаются, а с другой – теряют свою определенность за счет при-

обретения коннотативных значений в результате ad hoc перетолковывания. В этом случае сохраняются культурно установленные способы оперирования артефактами, но меняются их привычные конфигурации.

– «Поиск» – осторожные попытки выйти за пределы нормативной системы в целях освоить или по-новому интерпретировать изменения, не укладывающиеся в привычные нормативные рамки. Этой ситуации соответствует высокая степень неопределенности на грани терпимости, порожденная предыдущими операциями. Попытки ее преодоления ведут к часто нерелексивному отказу от тех нормативных положений, которые ранее уже были поставлены под сомнение, что способствует возрастанию степени неопределенности нормативной системы как таковой.

– «Риск» – деконструкция нормативной системы и попытки изменить основания трактовки отношений с окружением либо целей и возможностей их достижения. Такая реакция на нетерпимый уровень неопределенности порождает фрагментарное построение новых, чаще всего контингентных правил организации совместной активности и квазинормативных образований.

Согласно этой схеме можно рассмотреть модификации способов научной деятельности в рамках определенной познавательной парадигмы.

Познание в контексте установленной научной парадигмы. Научные знания в контексте «нормальной парадигмы» должны быть обоснованными на эмпирической или теоретической доказательной основе. Это обеспечивается нормами, правилами систематического описания предметной области изучения, каузального или функционального объяснения явлений, рассматриваемых в этих пределах, и предсказания возможных изменений и их последствий. Теоретический уровень научного знания предполагает установление законов, позволяющих рационально интерпретировать реальные ситуации. Соответствующие термины относятся к идеализированным объектам, которые не имеют прямых эмпирических аналогов.

Теоретические знания представляются в формах абстракций, аналогий, схем, отображающих структуру связей между компонентами предметной области и процессов, реализующихся в ее рамках. Эти знания, получаемые на базе парадигматических оснований (допущений) и предназначенные для повторного использования, позволяют интерпретировать факты в соответствии с уже готовыми моделями. Эмпирические данные, которые, согласно принятым нормам, считаются существенными для исследования, получаются в результате применения стандартизованных методов – наблюдения, измерения, эксперимента. Извлечение из них научно значимой информации происходит в соответствии с предопределенными парадигмой проблемой, гипотезой и целями исследования. Такое знание о взаимосвязях между отдельными событиями и фактами в предметной области, как правило, констатирует качественные и количественные характеристики изучаемых объектов. Соответственно главное отличие знаний от данных состоит в их структурированности согласно заранее установленным принципам и в объяснении новых фактов или установлении новых связей путем приведения их в соответствие с имеющимися теоретическими моделями. Они обобщаются в эмпирические закономерности согласно стандартным правилам и обычно носят вероятностный характер, не являются строго логичными. Теоретические законы по сравнению с ними имеют более строгий, формальный характер.

В рамках установленной научной парадигмы существуют нормы, позволяющие извлекать теоретические положения из обобщения данных, полученных в результа-

те наблюдений, и эмпирически проверять гипотезы, построенные на теоретических основах. Результирующие знания по функциональному признаку можно отнести к двум типам. Декларативные несут в себе представление о структуре понятий и категорий. Это своего рода означающие, которые придают значение данным, фактам как эмпирическим референтам. Процедурные определяют представления о путях и средствах получения новых знаний, проверки истинности научных высказываний. Эти разные алгоритмы организации информации в силу постоянного повторения поддерживают все системообразующие принципы существующей познавательной парадигмы.

Ее установившемуся состоянию соответствует акцент на абстрактной структуре научного знания и на социальной полезности его продуцирования и функционирования. Представители наук, в рамках которых изучается структура такого знания, исходят из его определения как истинного, обоснованного и универсального. Это позволяет считать его высшей формой познания и оправдывать в качестве области порождения конечных значений для объяснения культурных феноменов и критериев оценки достоверности любых высказываний. Такому состоянию научного познания соответствует своего рода *гносеологический оптимизм*, вселяющий в исследователей надежду на то, что мир познаваем и для понимания его устройства необходимо лишь время, кумуляция истинного знания и совершенствование методов.

Игровое начало в научном познании. Процесс научного познания не всегда осуществляется в развернутом, логически доказательном и эмпирически подтверждаемом виде. Нередко исследователь, исходя из определенных предпосылок, опускает последовательность шагов в рациональном доказательстве и, тем не менее, приходит к результату, отвечающему требованиям парадигмы. Такое постижение реальности носит название интуитивного. Его роль особенно велика там, где необходим выход за пределы общепринятых приемов рационального познания для придания новым фактам приемлемой формы. Интуиция в этом контексте не считается чем-то неразумным или сверхразумным. Предполагается, что в процессе такого познания не осознаются все те признаки объекта изучения и те приемы, в соответствии с которыми осуществляется вывод. Речь идет о своеобразной бессознательной интеграции опыта и знаний, когда отдельные звенья этого процесса не выделяются, а осознается именно конечный результат. Таким образом, интуиция не рассматривается как особый способ познания, независимый от ощущений, представлений и мышления. Полученный с ее помощью результат оказывается достаточно достоверным для познающего, но этого недостаточно, чтобы убедить других. Именно поэтому задним числом выстраиваются доказательства, приемлемые в пределах существующей познавательной парадигмы. М. Поланьи в связи с этим проводит различие между личностным (неявным, скрытым, неформализованным) и интересубъективным научным (формализованным, эксплицитным, стандартизованным) видами знания.

Другой тип игрового начала в науке проявляется как комбинаторика. В этом случае в пределах исходных оснований существующей познавательной парадигмы осуществляется процедура переструктурирования определенных теоретических моделей таким образом, чтобы новые факты можно было объяснить, не выходя за ее пределы. Речь идет об изменении конфигурации компонент теоретических схем, которое состоит в смещении акцентов с прежних ее ведущих составляющих на другие, которые ранее считались производными или второстепенными.

Наконец, еще одно игровое проявление познания в пределах научного мейн-стрима связано с использованием метафор. В каждой конкретной науке они могут заимствоваться из обыденного языка, из гуманитарной сферы, из других областей познания. Смысл такого перенесения заключается в том, чтобы посредством аналогий придать новым фактам приемлемую для научного сообщества форму. Если метафора оказывается продуктивной, выполняет эту функцию, то со временем она становится общепринятым термином или категорией.

Использование игровых приемов постепенно начинает размывать исходные основания «нормальной парадигмы». Ее границы и критерии оценки достоверности знания становятся все менее четкими, а терминология все более многозначной. При таком положении дел способы справиться с возрастанием неопределенности парадигматических норм и правил обеспечиваются эпистемологической позицией *релятивизма*. Ей соответствует утверждение относительности и условности содержания познания. Начинают признаваться неполнота любых научных теорий и их зависимость от исходных допущений исследователя, от «позиции наблюдателя». Основания познавательной парадигмы все еще сохраняются, но воспринимаются в большей степени как культурные границы науки, отличающейся особыми методами получения относительно достоверного знания. Правда, оно перестает рассматриваться как универсальное, и вполне правомерным становится вопрос о пределах его применимости. Релятивизму отвечает скептическое отношение к претензиям на истинность любых утверждений, построенных в соответствии с принципом рациональности. В то же время основным методологическим направлением в этом случае становится комбинирование и рекомбинирование понятий и категорий, эмпирических данных в целях получения результатов, имеющих не столько субстанциональное, сколько инструментальное значение. В этом культурном контексте продолжает сохраняться представление о том, что накопление научной информации обеспечивает движение в сторону «истинного» познания окружения.

«Экспериментирование» (см. прим. 2) как способ преодоления неопределенности в области науки. Возрастающая неопределенность парадигматических оснований и пролиферация различных, не конкурирующих между собой, рядоположенных интерпретаций и объяснений, казалось бы, одних и тех же фактов ведут к укреплению эпистемологической позиции *конструктивизма*. Сомнение в возможности познать реальность как таковую, в универсальности так называемых общих теорий, в окончательной истинности самых верифицированных (по правилам существующей познавательной парадигмы) утверждений становится едва ли не ведущим принципом в ходе продуцирования и оценки научного знания. В умеренной форме он проявляется в стремлении ограничиваться познанием фактов и следовать экспериментальной логике. Считается, что только наблюдение связей между независимой и зависимой переменными в заранее известных, сконструированных условиях позволяет получить достоверное знание, но только в их пределах. Хотя в этом случае проявляется сдержанность по отношению к теориям, эмпирически проверяемые гипотезы основываются на априорных допущениях, характерных для существующей познавательной парадигмы. Они все еще принимаются как нечто само собой разумеющееся. Поэтому индуктивизм не следует считать в этом случае приоритетным методом познания. Так, в XX в. характерный для него способ установления истины путем верификации К. Поппер дополнил принципом фальсификации. В то же время при лю-

бой проверке гипотезы, даже если она подтверждается, предполагается, что исследователь должен воздерживаться от высказывания категорических суждений.

Другим проявлением экспериментирования можно считать построение умозаключений относительно изучаемой предметной области на основании не одной, а нескольких несходных между собой теорий. Из них исследователь отбирает те обоснованные и относительно достоверные положения, которые нужны ему для репрезентации и объяснения объекта познания, но при этом не являются взаимоисключающими. Такой способ конструирования теоретических моделей иногда называют программным эклектизмом. Совершенно очевидно, что в данном случае нарушается одно из важных требований «нормальной парадигмы» – строить суждения на единых теоретических основаниях.

Конструктивизм, характерный для экспериментирования с элементами реальности и ее символическими заместителями, ведет к нарастанию сомнений относительно кумуляции научного знания, обуславливающей приближение к Истине.

«Поиск» новых оснований как способ справиться с ситуацией познавательной неопределенности. Когда благодаря распространению программного эклектизма становится очевидным, что научная парадигма утратила прежнюю – пусть иллюзорную – монолитную целостность, неопределенность представлений о критериях научности и истинности знаний возрастает до пределов, ставящих под сомнение ее целесообразность. В это время профессиональная деятельность осуществляется в форме множества познавательных направлений, различающихся по исследовательским ориентациям и терминологии. Правомерность использования понятийного аппарата, характерного для «нормальной парадигмы», подвергается сомнению; он перестает быть общим.

Категории используются контингентным, необязательным образом. Прежние термины утрачивают свою идентичность от употребления во множестве разнородных ситуаций и в силу этого приобретают целый ряд коннотативных значений. Появляются новые, которые нередко дублируют по значению прежние, но оказываются менее многозначными. Нередко оказывается, что в разной терминологии выражаются одни и те же идеи, а одни и те же категории используются для построения совершенно несходных познавательных моделей. Авторы одних построений эксплицируют свои исходные допущения. Другие исследователи не считают это обязательным. По всем этим поводам возникают дискуссии.

Такое положение дел ближе всего к эпистемологической позиции *скептицизма*. Еще Секст Эмпирик в работе «Три книги пирроновых положений» отмечал, что сомнение не есть особый принцип познания, но используется как полемическое оружие против догматизма. Соответственно в подобных ситуациях укрепляется критическая позиция по отношению к тем основаниям парадигмы, которые представляются ее сторонникам ложными или устаревшими. Она может порождать предложение каких-то новых исходных допущений, но может ограничиваться ниспровержением прежних конечных значений или общепринятых в науке истин. Рефлексия по отношению к ним пока не сопровождается требованием полностью отказаться от парадигмы в целом. Однако квалифицированная, убедительная критика приводит к тому, что ее целостность постепенно разрушается. Эволюционная модель познания отвергается и признается социальная обусловленность поддержания, изменения, отказа от определенных направлений научного познания.

«Риск» как деконструкция существующей познавательной парадигмы. Научное познание как принципиально конструктивный тип отношения людей с окружением предполагает даже в сложившейся ситуации неопределенности попытки справиться с ней. Они принимают форму деконструкции существующей парадигмы и последующие движения в сторону построения множества новых концептуальных порядков на новых и различных основаниях. Процедура деконструкции состоит в рефлексии к оставшимся после предшествующей критики исходным допущениям, которые принимались как нечто само собой разумеющееся, и отказе принимать их в качестве таковых. В этом случае предметом критического осмысления становится само представление о природе и возможностях научного познания и рационального познания вообще. Иногда правомерность каких-то из прежних «аксиом» подвергаются радикальному сомнению, и они становятся предметом доказательства.

Широкое распространение получают рассуждения о формах отношений человека с окружением, содержание которых можно подвести под общие названия «иррационализм», «внерациональность». Утверждается ограниченность человеческого разума в объяснении реальности, и предметом дискуссий становятся области мироощущения, недоступные рациональной рефлексии и реализующиеся в таких формах, как интуиция, чувство, инстинкт, откровения, вера и т.п. Такая позиция обнаруживается везде, где утверждается, что существуют области связей человека с окружением, которые принципиально недоступны научному познанию. Условно их можно разделить на субрациональные и трансрациональные. К первым принято относить волю, душу, инстинкт, жизненный порыв и т.п. Вторые связываются с представлениями о божественном начале, экзистенции, трансцендентном и т.п.

Этому состоянию научной области социокультурного пространства близка эпистемологическая позиция *агностицизма*, предполагающая принципиальную невозможность познания объективной реальности иначе как через формы, преобразованные ограниченными возможностями человека воспринимать ее. Предполагается, что в процессе познания опыт взаимодействия с окружением неизбежно преобразуется сознанием. Поэтому человек принципиально не способен не только постичь внешний мир и себя «самих по себе», но и точно выразить соответствующие имплицитные представления. Сторонники этой позиции не отрицают возможности познания, а лишь указывают на принципиальную неполноту любого знания и на невозможность преодолеть ее. Метафизические идеи рассматриваются в этом контексте, выражаясь языком постмодерна, как фантазмы. Соответственно их истинность не признается и отрицается возможность доказательства или опровержения утверждений, основанных полностью на такого рода посылках. Именно к такой трактовке агностицизма уместно отнести тезис Протагора «человек есть мера всех вещей...». Это состояние весьма рискованно для науки, которой в более широком социокультурном контексте грозит утрата характеристик, оправдывающих ее правомерность, — социально признанная обоснованность, надежность и достоверность продуцируемого здесь знания.

В то же время именно в такие периоды центральными становятся вопросы: познаваем ли мир в принципе и что происходит с людьми, когда считается, что они познают или знают. В этом контексте обсуждаются природа познания, связи между областями бессознательных и рациональных процессов, переживаниями и их репрезентацией; отношение конвенционально принятых суждений к реальности; кри-

терии достоверности знания. Попытки преодолеть кризис рациональности можно свести к двум основным эпистемологическим течениям. Одно из них связано с построением шкалы перехода от иррациональных к рациональным способам познания. Например, интуиция либо озарение начинают трактоваться как микропроцессы, составляющие которых можно дифференцировать, если изменить «позицию наблюдателя» и перестать рассматривать их как категории, имеющие конечное значение. Понимание перестает трактоваться как самодостаточная когнитивная категория, и предпринимаются попытки редуцировать ее к более фундаментальному уровню.

В рамках другого направления особое внимание уделяется деконструкции ограниченного логоцентризма и формированию «новых логик», которые делают возможным построение познавательных порядков и удовлетворительные объяснения объектов изучения, которые не вписывались в пределы прежней парадигмы. Соответственно пересмотру подлежат границы и компоненты предметного поля науки, критерии научности. Начинают складываться разрозненные основания того, что впоследствии может стать новой познавательной парадигмой, если в ходе дискуссий будет достигнут соответствующий консенсус научных сообществ и если продуцируемые в их рамках объяснения и прогнозы окажутся социально приемлемыми. Вопрос об эволюции познания в такие периоды вообще не ставится, а его динамика видится в форме, которую постмодернисты называют ризомной.

Заключение

В целом рассмотрение науки как особой области социокультурного пространства и социально значимой активности на базе антропологических допущений открывает новые возможности в изучении ее состояний. Здесь была представлена идеально-типическая модель движения познавательной парадигмы от установившегося состояния к деконструкции. Однако, если следовать логике рассуждений С. Тулмина, то следует предполагать, что в любом ее состоянии присутствуют все перечисленные выше проявления. Речь идет об их конфигурации, то есть следует выявить, какие из них оказываются доминирующими, а какие находятся на периферии этой области социокультурного пространства. Из сказанного следует также, что в зависимости от движения науки от «нормального» к «революционному» состоянию ее связи с более широким культурным контекстом изменяются. Так, на первых трех стадиях научное познание обеспечивает надежные рамки соотнесения и критерии оценки рациональности превращения научных знаний в технологии и использования последних. Связи между наукой и другими областями социокультурного пространства расширяются и укрепляются. На последних двух стадиях в пределах научной области направления поисков и рисков умножаются, работа концентрируется на решении внутринаучных проблем. Связи между наукой и другими областями социокультурного пространства ослабляются.

Анализ с предлагаемой позиции соотношений и модификаций познавательных ориентаций в рамках определенной научной парадигмы и ее связей с более широким социокультурным пространством уточняет представления о науке как его специализированной области. Появляются возможности диагностировать ее состояние, объяснять изменения отношения к ней в научном сообществе и в обществе, а при дальнейшем изучении этого вопроса прогнозировать наиболее вероятное направление формирования новых парадигматических оснований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
3. Поланы М. Личностное знание. М., 1986.
4. Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984.
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.
6. Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания. М., 1998.
7. Орлова Э.А. Социально-научные исследования и культурная (социальная) антропология? // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6. Вып. 2 (22). С. 156-172.

Примечания

1. За неимением соответствующей терминологии для выделенных связей предлагаются условные названия.
2. Здесь это понятие используется не в научном, а в представленном выше антропологическом смысле.

Б.Г. ЮДИН

ЧЕЛОВЕК КАК ИСПЫТУЕМЫЙ: АНТРОПОЛОГИЯ БИМЕДИЦИНСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация: Рассматривается практика проведения современных биомедицинских исследований. Отмечается, что этическое регулирование таких исследований может быть интерпретировано не только как совокупность специфических социальных технологий, но и как фундаментальное переосмысление социальной роли человека как испытуемого, связанное с уважением его автономии и человеческого достоинства.

Abstract: The article analyses the practice of modern bio-medicinal studies. The author stresses that the ethical regulation of such studies may be interpreted not merely as a conglomerate of specific technologies, but also as a fundamental rethinking of the human social role as an object of such studies, connected with the question of respect for his autonomy and human dignity.

Ключевые слова: биомедицинское исследование, этическая экспертиза исследований, информированное согласие, медицинское вмешательство.

Keywords: bio-medicinal study, ethical expertise, informed consent, medical intrusion.

Современная биомедицина чрезвычайно интересна с философской точки зрения. Разумеется, она вполне может, а во многих отношениях и должна, восприниматься как один из частных — а значит, ограниченных — разделов научного познания [2]. Однако сегодня биомедицина, на мой взгляд, представляет собой фокальную точку развития науки — такую, в которой раньше или же более рельефно, чем во всех других, проявляются многие глобальные тенденции, значимые для науки в целом.

Юдин Борис Григорьевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий отделом Института философии РАН, главный редактор журнала Президиума РАН «Человек» (Москва). E-mail: byudin@yandex.ru.